

Коллектив авторов

Советская археология. №3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
К60

К60 **Коллектив авторов**
Советская археология. №3 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 326 с.

ISBN 978-5-458-42528-5

«Советская археология», журнал, издаваемый институтом археологии АН СССР. Выходит с 1957, является преемником одноимённых сборников, издававшихся в 1936—59 (в. 1—30). «Советская археология» публикует материалы о важнейших открытиях советских археологов, знакомит с археологическими работами за рубежом. В журнале помещаются статьи по различным проблемам археологии и древней истории, вопросам экономики, социального строя, идеологии, искусства древних и средневековых обществ, публикуются новые археологические материалы, критические обзоры советской и зарубежной литературы по археологии, рецензии, статьи по методике археологических исследований. Тираж (1975) 3,3 тыс. экз.

ISBN 978-5-458-42528-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

***В Комитете по Ленинским премиям в области науки
и техники при Совете Министров СССР***

**О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся работы
в области науки и техники.**

Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники постановил:

I

Присудить Ленинские премии 1965 г. за наиболее выдающиеся работы в области науки:

7. ВОРОНИНУ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ, доктору исторических наук, заведующему отделом Института археологии Академии наук СССР, — за научный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков» (в 2 томах), опубликованный в 1961 и 1962 годах.

Статьи

В. Г. КОТОВИЧ

О ХОЗЯЙСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА В ДРЕВНОСТИ

Рассмотрение хозяйственной деятельности древнего населения горных районов Дагестана имеет важное значение как для освещения социально-экономического и культурного развития местных племен в медно-бронзовом веке, так и для понимания специфических особенностей исторического процесса на данной территории в последующее время, вплоть до средневековья.

В дореволюционной историографии вопрос этот не ставился совсем, так как большинство исследователей того времени разделяли взгляды Д. Н. Анучина о позднем (в железном веке) заселении горного Дагестана, связывая его с якобы имевшим место процессом массового вытеснения туда населения равнины более сильными племенами¹.

Подлинно научное изучение экономики древних насельников горного Дагестана началось уже в годы Советской власти. А. П. Круглов, одним из первых исследовавший древние памятники Дагестана, пришел к выводу, что хозяйственное освоение горных районов, которое он связывал с развитием отгонного скотоводства, началось еще в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.)². Позже Р. М. Мунчаев, основываясь на результатах изучения Е. И. Крупновым северокавказских памятников докобанского периода, считал возможным отнести начало этого процесса в III тысячелетие до н. э. Причину его он также усматривал в развитии полукочевого скотоводства (в основном овцеводства)³. Взгляды названных исследователей, основанные на учете экономического фактора, несомненно, сыграли положительную роль в изучении древней истории горного Дагестана, доказав более глубокую, чем это представлялось дореволюционным ученым, древность заселения его территории. Подчеркивая это, следует все же признать, что они должны быть пересмотрены в свете новых археологических данных, ставших известными за последнее десятилетие.

Прежде всего, это касается вопроса о времени заселения горного Дагестана. Сейчас здесь известны не только памятники IV—II тысячелетий до н. э., но также местонахождения и стоянки различных периодов каменного века. Судя по ним, человеческая деятельность началась в горном Дагестане в конце апшеля — раннем мустье и продолжалась в последующие периоды каменного века⁴.

¹ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 449; Р. М. Магомедов. Проблема происхождения народов Дагестана в дореволюционной историографии. УЗ ДГУ, VI, Махачкала, 1960, стр. 37—56.

² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (Тезисы канд. дис.), КСИИМК, XIII, 1946, стр. 134.

³ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дис. М., 1953, стр. 14—15.

⁴ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 217—223.

По-новому должен ставиться вопрос и об экономической основе человеческой деятельности в горном Дагестане в различные исторические эпохи. Мнение о хозяйственном освоении горных районов путем переселения туда в III—II тысячелетиях до н. э. пастушеских, овцеводческих племен с равнины никак не подтверждается новыми материалами, вследствие чего от него приходится отказаться. Рассмотрение данного вопроса следует начинать с характеристики хозяйственной деятельности древнейших насельников Дагестана, прослеживая затем ее эволюцию. При этом особое внимание должно быть уделено изучению хозяйства горцев в эпохи меди и бронзы, начиная с которых на территории горного Дагестана прослеживается непрерывный процесс развития местных племен.

В палеолите и в мезолите основу хозяйственной деятельности первобытных коллективов, населявших горные районы Дагестана, составляли охота и собирательство. Об этом можно судить по характерным особенностям кремневого инвентаря, предназначенного для охоты и обработки охотничьей добычи, а также по остеологическим данным. В частности, изучение остеологических находок из Чохской и других стоянок⁵ позволяет заключить, что население горного Дагестана в конце верхнего палеолита и в мезолите специализировалось главным образом в охоте на диких баранов и козлов.

В материалах дагестанских неолитических памятников отчетливо прослеживается замена микролитовидного кремневого инвентаря макролитовидным. Аналогичные изменения претерпевают в эту эпоху орудия труда и в ряде других областей юга нашей страны и сопредельных стран, где в неолите впервые возникает земледельческо-скотоводческое хозяйство⁶. Особенно многочисленны в инвентаре раннеземледельческих памятников Передней и Средней Азии крупные ножевидные пластины и их сечения⁷. Как установлено опытным путем, подобные пластины, зачастую не имевшие специальной ретуши, использовались либо в качестве жатвенных ножей, либо вкладышей для серпов⁸.

Среди материалов дагестанских неолитических памятников большое место занимают крупные ножевидные пластины, наряду с которыми встречаются также топоры с подшлифованным лезвием, орудия типа «пик», а в самом конце неолита — небольшие зернотерки, находимые вместе с костями домашнего быка⁹. Все эти находки говорят о начавшемся переходе от присваивающего охотничье-собирательского хозяйства к производящему, основанному на первобытном земледелии и скотоводстве, что было, по видимому, вызвано общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в неолите, на развитие которых оказывали положительное воздействие тесные культурно-исторические связи с Передним Востоком, а также наличие благоприятных естественно-географических условий. Судя по значительной облесенности горного Дагестана в древности и имея в виду особенности орографии и состав слагающих его горных пород, можно предпо-

⁵ Н. К. В е р е щ а г и н. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959, стр. 195, табл. 42; К. Н. З о л о т о в. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 288.

⁶ А. А. Ф о р м о з о в. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, 2, стр. 56; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 86—87.

⁷ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и древний Восток. М., 1964, стр. 24 сл.

⁸ С. А. С е м е н о в. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука Врублевская. СА, XI, 1949, стр. 151—154; его же. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 142—150; В. М. М а с с о н. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, 1, стр. 146; Г. Ф. К о р о б к о в а. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 112—114; С. Н. Б и б и к о в. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы. СА, 1962, 3, стр. 3—12.

⁹ В. И. М а р к о в и н, Р. М. М у н ч а е в. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакка (Дагестан). КСИИМК, 67, 1957, стр. 78—82; В. И. М а р к о в и н. Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД, I, 1959, стр. 21—30; В. Г. К о т о в и ч. Ук. соч., стр. 184—216.

лагать, что древнейшими способами возделывания растений здесь, как и повсеместно¹⁰, были подсеčno-огневое, а местами — у подножий сланцевых хребтов — и лиманное земледелие.

В энеолите, насколько об этом можно судить по материалам Гинчинского поселения (IV тысячелетие до н. э.), в горном Дагестане существовала развитая местная культура с отчетливыми признаками влияния халафской культуры (наличие тонкостенной расписной керамики)¹¹. Ее экономическую основу составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство. Занятия земледелием подтверждаются находками многочисленных зернотерок и жатвенных ножей, отпечатками соломы на керамической массе. Жатвенными ножами служили крупные ножевидные пластины неолитического облика¹². Подобные орудия известны и в других энеолитических (IV тысячелетие до н. э.) памятниках Кавказа (нижние слои Нахичеванского Кюль-Тепе, Шому-Тепе)¹³ и Иранского Азербайджана (слой «М» Геой-Тепе)¹⁴. Обитатели Гинчинского поселения разводили крупный и мелкий рогатый скот. Можно полагать, что и в эту эпоху в горном Дагестане применялись прежние способы возделывания злаков — подсеčno-огневое и лиманное земледелие. Однако площади возделываемых земель, по-видимому, возрастали по мере увеличения населения.

В медно-бронзовом веке (III—II тысячелетия до н. э.) оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство по-прежнему составляло основу экономики племен горного Дагестана. Занятия земледелием в III тысячелетии до н. э. документируются находками кремневых вкладышей от составных серпов, зернотерок, специальных печей для сушки и обжаривания зерна и выпечки хлеба, а также зерен злаков и их отпечатков на керамике, происходящими из Мекегинского¹⁵, Гапшминского¹⁶, Хунзахского¹⁷ поселений. В памятниках II тысячелетия до н. э., таких как Верхнегунибское¹⁸, Сигитминское скальное¹⁹, Усишинское²⁰ и другие поселения, находки земледельческого инвентаря весьма многочисленны и разнообразны, что свидетельствует о дальнейшем развитии земледелия и его ведущей роли в экономике местных племен.

Относительно крупные размеры дагестанских горных поселений медно-бронзового века с мощными (более 1 м) толщами культурных напластований указывают на долговременное обитание на них сравнительно многочисленного населения. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что племена горного Дагестана, подобно некоторым другим раннеземледель-

¹⁰ Г. Кларк. Допсторическая Европа. М., 1953, стр. 100—101; Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА, 1959, 4, стр. 39—40.

¹¹ Раскопки поселения проводились в 1962—1964 гг. Гинчинским отрядом ДАЭ. Пользуюсь случаем выразить признательность руководителю отряда М. Г. Гаджиеву за любезно предоставленную возможность привести в данной статье некоторые сведения об этом памятнике.

¹² М. Г. Гаджиев. Древнейшее оседло-земледельческое поселение в горном Дагестане. Тезисы доклада на Кавказской секции Объединенного пленума ИА и ИЭ АН СССР 3 апреля 1964 г. в г. Москве.

¹³ О. А. Абибулаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, 3, рис. 2, 2—4; И. Г. Нармяннов. Древнейшие серпы из Азербайджана. СА, 1964, 1, рис. 2, 1, 2, 4, 7, 11, 14.

¹⁴ T. Burton Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948, London, 1951, табл. 44.

¹⁵ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г., рукопись. РФ ИИЯЛ, д. № 2643.

¹⁶ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 24.

¹⁷ Раскопки 1-го горного отряда ДАЭ в 1964 г. (руководитель М. Г. Гаджиев).

¹⁸ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. (Предварительное сообщение о раскопках 1958 г.). МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 207 сл.

¹⁹ В. И. Канников. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ III, Махачкала, 1957, стр. 158—159.

²⁰ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г.

ческим племенам Юго-Восточной Европы²¹, уже в эту эпоху были знакомы с пашенным земледелием.

Последнее среди прочих факторов предполагает также использование тягловой силы животных и применение специальных пахотных орудий. Находки глиняных моделей колес в дагестанских памятниках медно-бронзового века²² доказывают применение местными племенами тягловой силы скота уже в III—II тысячелетиях до н. э. В качестве упряжных животных, судя по остеологическим данным и находкам глиняных зооморфных статуэток, использовался крупный рогатый скот. Что же касается древнейших пахотных орудий, то они пока не были обнаружены в памятниках рассматриваемого времени, как, впрочем, и в более поздних комплексах, когда их существование уже не вызывает сомнений. Отсутствие находок пахотных орудий неудивительно, ибо они обычно изготовлялись из дерева, которое сохраняется лишь в особо благоприятных условиях.

Вопрос о времени появления пахотных орудий и становлении пашенного земледелия на Кавказе требует особого рассмотрения. Известно, что кавказские племена в медно-бронзовом веке поддерживали тесные связи с населением Переднего Востока, являвшегося древнейшим и наиболее важным центром возникновения земледелия и скотоводства²³. Здесь чрезвычайно рано (не позднее IV тысячелетия до н. э.) становится известно и пашенное земледелие²⁴, что подтверждается, в частности, наличием соответствующей лексики в шумерских пиктографических текстах²⁵. Широкое распространение пашенного земледелия в этих странах в первой половине III тысячелетия до н. э. засвидетельствовано письменными источниками, причем в Двуречье применялись две разновидности плуга, предназначенные для легких и тяжелых почв²⁶. Во второй половине III тысячелетия до н. э. в Двуречье, а в первой половине II тысячелетия до н. э. в Хеттском царстве деревянные плуги снабжались металлическими (?) сошниками²⁷. В начале I тысячелетия до н. э. в Ванском царстве употребляются уже железные сошники²⁸.

Наиболее ранние факты применения пахотных орудий в странах Переднего Востока относятся к IV—III тысячелетиям до н. э., когда население Кавказа, особенно племена т. н. «куро-аракской» культуры, поддерживали весьма тесные связи с переднеазиатским миром²⁹. Весьма примечательно, что эти связи проявлялись не только в области культуры, но также

²¹ С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья. (Опыт изучения первобытной экономики). СА, 1965, 1, стр. 48—62.

²² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, рис. 8, 6; В. И. Маркович. Археологические памятники в районе сел. Капчугай (Дагестан). СА, XX, 1954, рис. 46; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959, табл. I, 6; М. Г. Гаджиев. Глиняный могильник. (Предварительное сообщение), УЗ ИИЯЛ, X, Махачкала, 1962, рис. 9, 1.

²³ В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, 88, 1962, стр. 17—20.

²⁴ Д. Г. Редер. Появление плуга и мотыги в древнем Египте и Шумере. Сб.: «Древний мир». М., 1962, стр. 165—170; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 86.

²⁵ А. А. Вайман. Исследование шумерских пиктографических текстов. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963, стр. 15.

²⁶ Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. История техники древнего Двуречья. Сб.: «Очерки по истории техники древнего Востока». М.—Л., 1940, стр. 23—25; И. М. Лурье. История техники древнего Египта. Там же, стр. 152.

²⁷ Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. Ук. соч., стр. 25; З. А. Менабде. К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства. Сб.: «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 83.

²⁸ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 141, рис. 9.

²⁹ А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV—III тысячелетиях до нашей эры. КСИА, 93, 1963, стр. 6; К. Х. Кушнарeva, Т. Н. Чубицкая. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 1963, 3, стр. 11—12.

и в сфере производства. Последние не ограничивались исключительно металлургией, но, несомненно, касались и земледельческой техники, в первую очередь орудий труда. В частности, об этом свидетельствует происшедшая не позже начала III тысячелетия до н. э. замена древнейших жатвенных орудий в форме ножевидных пластин двусторонне обработанными специализированными типами вкладышей, предназначенными для оснащения массивных челюстевидных серпов египетского типа, южное происхождение которых не вызывает сомнений. Показательно, что у древних земледельцев Юго-Восточной Европы подобная же смена типов жатвенных орудий произошла лишь спустя почти целое тысячелетие³⁰.

В свете изложенного наиболее вероятной датой знакомства кавказских племен с применением пахотных орудий нам представляется III тысячелетие до н. э. — период наиболее широких взаимоотношений Кавказа с Передним Востоком. Иначе остается совершенно необъяснимым, каким образом кавказские земледельцы, располагавшие немалыми возможностями для развития у себя пашенного земледелия, не практиковали его вплоть до эпохи поздней бронзы (когда, по мнению некоторых исследователей, оно распространилось на Кавказе³¹), между тем как это важнейшее достижение раннеземледельческой техники уже в III—II тысячелетиях до н. э. стало известно населению юго-восточных и даже северо-западных областей Европы³². Очевидно, в действительности все происходило иначе, и кавказские племена одними из первых познакомились с достижениями земледельческой культуры стран Переднего Востока, применяя затем их у себя. В частности, знакомство закавказских, так называемых «куроаракских» племен с пашенным земледелием недавно было документировано соответствующими археологическими материалами³³. Не исключено, что одной из причин широкого расселения этих племен к северу и югу от места их первоначального обитания послужило раннее распространение у них пашенного земледелия.

Глубокая древность пашенного земледелия на Кавказе подтверждается и данными этнографии, в частности, исключительным многообразием встречаемых здесь типов пахотных орудий, прекрасно приспособленных к местным структурам почв и различным системам земледелия, практиковавшимся в разных районах в те или иные исторические эпохи³⁴. Г. С. Чытая выделяет в Абхазии отдельные типы пахотных орудий, восходящие к шумерским образцам, бытовавшим еще в IV тысячелетии до н. э.³⁵. Близкая картина наблюдается и в Дагестане, где также применялись разнообразные типы пахотных орудий³⁶, локальное своеобразие которых,

³⁰ С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы, стр. 12, 13, 24.

³¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 71; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 33; его же. Земледелие в древнем и средневековом Азербайджане. Доклад к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 2.

³² С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевская на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 282; Б. А. Латыпин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957, стр. 13; Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе). СА, 1964, 4, стр. 99—100; Г. Кларк. Ук. соч., стр. 108—109; А. Я. Брюсов. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе. СА, 1957, 2, стр. 266.

³³ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твелепи-кохи). Тбилиси, 1962, стр. 61, табл. XXXIII, II.

³⁴ Народы Кавказа, II, М., 1962, стр. 235—240, 464—465.

³⁵ Г. С. Чытая. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сообщ. АН ГрузССР, II, 3, Тбилиси, 1944, стр. 193, 198.

³⁶ З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, 4, стр. 94—100; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 62—63.

обусловленное приспособленностью к местным условиям, может служить свидетельством их древности. На это же указывают и данные языковедения³⁷. Помимо общего для дагестанских языков названия легкого горского пахотного орудия: *пуруц*, *берец*, *буруц* — у аварцев, *реббцу* — у андийцев, *дурац*, *дураз* — у даргинцев, *хъарас* — у лаков, *тъурез* — у лезгин, *дуруц* — у табасаранов³⁸, подобное же сходство прослеживается и в названиях ярма: *рукъ* — ав., *рукъо* — анд., *дук I* — дарг., *рук I* — лак., *вик*, *вик I* — лезг., *йурккаг* — таб., *окъ* — арч., пашни (села): *хур* — ав., анд., *хъу* — дарг., лак., *хуръ* — лезг., *гъул* — таб., *хор* — арч., упряжного быка: *оц* — ав., *унсо* — анд., *унц* — дарг., *ниц* — лак., *йац* — лезг., *йиц* — таб., *анс* — арч.³⁹ Сходство наблюдается также в названии гумна, копны, соломы, мякны и в некоторых других терминах, так или иначе связанных с пашенным земледелием. Общая для дагестанских языков терминология пашенного земледелия, вероятно, сложилась еще в рамках общедагестанского языка-основы, существование которого языковеды относят ко времени не ближе III тысячелетия до н. э.⁴⁰

Приведенные данные позволяют пересмотреть вопрос о сравнительно позднем появлении на Кавказе пахотных орудий и принять мнение тех исследователей, которые относят возникновение здесь пашенного земледелия к III тысячелетию до н. э.⁴¹ Это заключение вполне приложимо и к горному Дагестану, где при раскопках Верхнегунибского поселения в слое, относящемся к рубежу III—II тысячелетий до н. э., были обнаружены глиняные рельефы со стилизованными изображениями сцен пахоты⁴².

Еще одним древним земледельческим орудием является молотильная доска, известная в Дворечье в III тысячелетии до н. э.⁴³ Основываясь на случаях нахождения таких орудий в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы и раннего железа⁴⁴, некоторые исследователи относят к этому же времени и их первое появление на Кавказе. Однако между началом хозяйственного применения этих орудий и использованием их в качестве предметов погребального ритуала, отличающегося чрезвычайной консервативностью, должен быть значительный хронологический разрыв. Поэтому можно предполагать, что молотильные доски появились на Кавказе вместе с пахотными орудиями или несколько позже. В Дагестане остатки погребения с молотильной доской обнаружены в одном из древних (?) курганов близ Дербента⁴⁵. Небезынтересно отметить, что еще сравнительно недавно молотильные доски употреблялись на Кавказе (включая Да-

³⁷ Пользуюсь случаем выразить признательность доктору филологических наук Ш. И. Микайлову, оказавшему большую помощь в подборе языковедческих материалов.

³⁸ А. Н. Генко. О названиях «плуга» в северокавказских языках. ДАН СССР. Л., 1930, 7, стр. 132—134; З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Ук. соч., стр. 94.

³⁹ С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 11, 24.

⁴⁰ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 17.

⁴¹ О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 267; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Ук. соч., стр. 61; А. К. Сохадзе. Пережитки скотоводческих культов у западно-грузинских горцев. Доклад к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 4.

⁴² Раскопки Гунибского отряда ДАЭ в 1963—1964 гг. (руководитель В. М. Котович).

⁴³ Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флигтнер. Ук. соч., стр. 27.

⁴⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 71; Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ Ханлара. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 45—47; Т. Н. Чубинишвили. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике. Сообщ. АН ГрузССР, XXI, 1, Тбилиси, 1951, стр. 61; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане, стр. 45—47.

⁴⁵ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних работах в южном Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 543—544.

гестан), в Турции и еще в некоторых горных районах, примыкающих к Восточному Средиземноморью.

Возвращаясь к характеристике земледельческой культуры горного Дагестана в медно-бронзовом веке, отметим, что переход к пашенному земледелию сделал возможным освоение более крупных площадей. Вероятно с этого времени в горном Дагестане стали практиковаться залежная и переложная системы земледелия. С развитием пашенного земледелия в горных районах вскоре ощутилась нехватка пригодных для этой цели земель, главным образом древних речных террас, плоскогорий, плато и иных естественных поверхностей выравнивания, встречающихся здесь в весьма ограниченном количестве. Это стимулировало раннее развитие в Дагестане своеобразного террасного земледелия, возникновение которого можно отнести по имеющимся данным к медно-бронзовому веку, а расцвет — к позднеантичному и раннесредневековому периодам. Следовательно, отмечаемый специалистами высокий уровень террасного земледелия в горном Дагестане не случаен. В нем ярко отражается «тысячелетний агротехнический опыт земледельцев высокогорных районов»⁴⁶.

Основными земледельческими культурами, возделывавшимися в Дагестане в медно-бронзовом веке, были мягкие и твердые сорта пшеницы, голозерные и пленчагие ячмени, лен⁴⁷. Судя по совместной находке в одном сосуде на Гильярском поселении зерен пшеницы и ячменя, можно полагать, что в III тысячелетии до н. э. дагестанские племена, подобно другим раннеземледельческим племенам Кавказа, практиковали смешанные посевы разных злаков.

Другой важной отраслью хозяйства населения горного Дагестана в медно-бронзовом веке было скотоводство. Основу его, по единодушному признанию всех исследователей, составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота. Однако значение различных отраслей древнего животноводства оценивается по-разному. По мнению первых исследователей дагестанских памятников медно-бронзового века, местное скотоводство, развивавшееся в сторону увеличения поголовья мелкого рогатого скота, приняло со временем полукочевую форму⁴⁸. Эти взгляды — не что иное, как механическое перенесение на Дагестан схемы освоения горных районов, разработанной А. А. Миллером применительно к другим районам Северного Кавказа⁴⁹. Сравнение тех условий с естественно-географической средой Дагестана показывает, что особенности орографии последнего определили специализацию хозяйственного развития не по вертикальным зонам, как на Северном Кавказе, а по естественноисторическим зонам и округам, соответствующим конкретным геоморфологическим областям и районам⁵⁰. Поэтому нельзя безоговорочно переносить упомянутую схему на Дагестан без учета особенностей его естественно-географических условий. Это становится особенно очевидным при рассмотрении вопроса о кормовой базе. Известно, что в ряде районов Северного Кавказа и Закавказья именно нехватка кормовых ресурсов в окрестностях поселений определила уже в бронзовом веке овцеводческую направленность в разви-

⁴⁶ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», 1936, 2, стр. 80—81.

⁴⁷ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, IX, Махачкала, 1961, стр. 285; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. УЗ ИИЯЛ, VIII, Махачкала, 1960, стр. 337, 338, 345.

⁴⁸ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., стр. 134; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана, стр. 14—15.

⁴⁹ А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 51.

⁵⁰ С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. Сб.: «Сельское хозяйство Дагестана». М.—Л., 1946, стр. 49 сл.

тии скотоводства, ставшего вследствие этого полукочевым⁵¹. Между тем, в горном Дагестане, располагавшем большими пастбищными угодьями, способными и в наше время обеспечить кормами значительное поголовье скота⁵², столь острой нехватки кормов, по-видимому, не ощущалось. Поэтому скотоводство здесь оставалось на всем протяжении медно-бронзового века оседлым. Его кормовую базу составляли, очевидно, пастбищные угодья, расположенные как непосредственно около поселений, так и на некотором расстоянии от них, но в пределах строго определенной, вероятно, не очень большой территории, принадлежавшей конкретному роду племени.

Своеобразие путей развития древнего дагестанского животноводства подтверждается и остеологическими материалами⁵³. Их сравнительное изучение показывает, что в составе стада, разводимого обитателями дагестанских поселений в медно-бронзовом веке, на одну голову крупного рогатого скота в среднем приходилось 1,6—2, редко 2,5—3 головы мелкого рогатого скота. Такое соотношение, учитывая более высокую мясную и молочную продуктивность крупного рогатого скота, свидетельствует о его преобладающей роли в местном животноводстве. В отдельных памятниках на протяжении II тысячелетия до н. э. наблюдается даже рост поголовья крупного рогатого скота⁵⁴. Однако видеть в этом общую для всего Дагестана тенденцию развития животноводства было бы преждевременным, имея в виду разнообразие его экологических условий, которые могли оказывать значительное и даже определяющее влияние на состав стада в каждом конкретном случае.

Раннему становлению полукочевого овцеводческого хозяйства препятствовали: бездорожье, пересеченный рельеф, значительная облесенность и, наконец, постоянные межплеменные столкновения. Все это отрицательно сказывалось на самой возможности беспрепятственно осуществлять ежегодные сезонные перегоны отар скота на большие расстояния. Имелись и другие, еще более основательные причины. Как показывает опыт изучения полукочевого скотоводства в других районах нашей страны, оно никогда не практиковалось всеми членами коллектива, а только зажиточной верхушкой. При этом часть его продукции предназначалась для обмена. Следовательно, полукочевое скотоводство предполагает, с одной стороны, далеко зашедшую имущественную и социальную дифференциацию общества, а с другой — возможность широкого обмена избытка продуктов животноводства⁵⁵. В свете этих фактов становится очевидным, что при господстве первобытнообщинных отношений у дагестанских племен в медно-бронзовом веке здесь отсутствовали необходимые для возникновения полукочевого скотоводства и социально-экономические предпосылки. Совокупность указанных причин определила оседлый характер древнего дагестанского скотоводства. Такое направление в развитии животноводства не представляет исключительного явления. Сходными путями разви-

⁵¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА. XXIII. 1955, стр. 6; Е. И. К р у п н о в. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 83.

⁵² Е. В. Ш и ф ф е р с. Природная кормовая растительность горного Дагестана. Сб.: «Сельское хозяйство Дагестана». М.—Л., 1946, стр. 183; Л. Н. Ч и л и к и н а. Очерк растительности Дагестанской АССР и ее природных кормовых угодий. Сб.: «Природная кормовая растительность Дагестана». Махачкала. 1960, стр. 8—83; Л. Н. Ч и л и к и н а, Н. Д. У н ч и е в. Материалы к кормовой характеристике основных типов пастбищ и сенокосов Дагестана. Там же, стр. 89—147; Х. М. Х а ш а е в. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959, стр. 48—51.

⁵³ К. Н. З о л о т о в. Ук. соч., стр. 288—289.

⁵⁴ В. М. К о т о в и ч. Верхнегунибское поселение, стр. 107—108.

⁵⁵ С. И. Р у д е н к о. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. «Материалы отделения этнографии» (Географического общества СССР), ч. 1, Л., 1961, стр. 10—15.